

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Царица Тамара

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Царица Тамара / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 205 с.

ISBN 978-5-519-99125-4

ISBN 978-5-519-99125-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Солнечный востокъ. Сказочный яркій край воспоминаній, гдѣ сегодняшняя былъ вся ушла подъ круглые купола и за слѣпыя стѣны. Жизнь на первый взглядъ такъ непонятна и странна... Въ тѣни чинаръ и кипарисовъ схоронено великое прошлое!.. Сколько разъ оно просыпалось, чтобы опять заснуть... Суждено ли ему опять подняться когда-нибудь!

I.

Выстрѣлы замирали...

На нашихъ аванпостахъ драгуны совсѣмъ не отвѣчали, — надоѣло. Толку отъ этого обмѣна шальныхъ пуль не было никакого.

Въ глухомъ болгарскомъ селѣ, гдѣ мы заночевали, стояли ранѣе турки.

Непріятель едва успѣлъ убраться, даже въ нѣкоторыхъ печуркахъ нашлись котелки съ пилавомъ ¹⁾ и вертела съ кусками вкуснаго кебаба ²⁾, а одному зейбеку ³⁾ до такой степени понравился огонекъ, разложенный имъ въ дымномъ каминѣ небольшой землянки, что онъ не ушелъ оттуда. Когда къ нему ввалилась цѣлая масса нашихъ драгунъ, онъ только приподнялся и совершенно спокойно отдалъ воинскую честь.

¹⁾ Пшлѣвъ или пилавъ—рисъ.

²⁾ Свернутое съ фаршемъ мясо, сваренное на вертелахъ.

³⁾ Изъ нихъ, главнымъ образомъ, составлялись баша-бузуки.

Такъ и остался военноплѣннымъ!

Къ счастью, день обошелся безъ боя, и солдаты были добры. Они сейчасъ же снабдили турка табакомъ и пригласили къ общему котлу.

Низама это нисколько не удивило—точно такъ и слѣдовало. Нисколько не стѣсняясь, онъ взялъ данную ему деревянную ложку и принялся уписывать за обѣ щеки.

Даже солдаты пришли отъ него въ восторгъ.

— Ай да мы!

— Ъшь, ѣшь, турка! Казенное вѣдь... Около насъ, брать, и ты пропитаешься.

— Тоже вѣдь, такъ, какъ и мы, солдатъ!

— Не самъ шель—погнали! А, поди-ка, дома и у него жена да дѣти есть?

— Малыши еще, можетъ! А? Заберутъ его въ плѣнъ, когда онъ ихъ увидить?

— Не разъ поплачетъ...

— Ну, да авось...

И солдатъ, ужъ оборачиваясь къ низаму, продолжалъ, точно тотъ долженъ былъ понимать по-русски:

— Не бойся, брать! Вотъ, здорово поколотимъ мы вашихъ, ну, султанъ твой и запроситъ пардону.

— Аману, по-ихнему.

— Ну, что ты понимаешь? Аманъ всегда кричатъ, а пардону просятъ. Ну, какъ запроситъ—тою жъ минутою мы его и помилуемъ. На носу только зарубимъ ему—не смѣй де, цыганить да смутянить у насъ! Получай свой паекъ,—чего мнѣ не жаль, и живи! И повертаютъ тебя домой тогда, къ себѣ, значить. Тогда и дѣтокъ увидишь!

Низамъ тоже не хотѣлъ остаться въ долгу.

Хоть ничего не понялъ, но пожелалъ отличиться тонкимъ воспитаніемъ. Онъ началъ говорить долго и много. Показывалъ и на полъ и въ потолокъ... Упоминалъ Аллаха и прикладывалъ руки къ сердцу.

Когда онъ кончилъ, солдаты задумались, точно услышали нѣчто невѣроятно-глубокомысленное.

— Понялъ ты что?—спросилъ одинъ у другого.

— Еще же бы не понять! Пустое дѣло самое!

— Что же онъ?..

Зейбекъ.

— Очень просто. Россія, говоритъ, вонъ какая—выше потолка, а Турція—маленькая, чуть-чуть на полу видно... И нашъ де Аллахъ передъ вашимъ ни къ чему не годится... Все понятно! Надо только съ разумомъ слушать...

— Какъ ни какъ, а солдаты они отличные.

— Это такъ! Похаять нельзя. Солдаты, надо прямо сказать, справедливые... умѣютъ помирять!..

И сосѣдъ ласково ткнулъ низама корявымъ перстомъ въ голый затылокъ.

— Куды ему уйтить — кругомъ вода! — смѣялись остальные.

Смѣялся и турокъ, ничего не понимая и только показывая всѣмъ бѣлые, какъ слоновая кость, зубы.

Мы, офицеры, помѣстились въ просторномъ домѣ. Домъ—по-ихнему, по-нашему—землянка или мазанка, только что пообширниѣ другихъ.

По срединѣ очагъ. Вся она сбита изъ глины. Разложили сейчасъ же костеръ. Отъ крыши не осталось и жердей.

Вѣрно, турки разобрали ее на топливо. Надъ нами раскидывался голубой шатеръ южнаго неба съ безчисленными звѣздами, кротно мигавшими изъ недосягаемыхъ безднъ.

У мазанки черная и мрачная мечеть. Мы ее, разумѣется, не видѣли, но минаретъ точно висѣлъ надъ нами въ прохладномъ воздухѣ. За нимъ прорѣзывался золотой серпъ молодого мѣсяца.

Кто-то изъ насъ, болѣе зоркій, всматривался вверхъ и вскрикнулъ:

— Господа, а вѣдь на минаретѣ нашъ солдатикъ!

— Ну, вотъ!

— Я вижу. Ишь, куда забрался! Кто его гналъ туда? Да и какъ въ темнотѣ онъ ходы нашелъ?

— Отличное мѣсто для часового: далеко видно!

— Разъ одинъ по собственной охотѣ туда взлѣзъ, отчего жъ и въ самомъ дѣлѣ часового туда не поставить?

— Распорядитесь-ка, поручикъ! — приказалъ старый майоръ, общій нашъ любимецъ.—Сверху-то кругомъ отлично видно непріятеля!

— Слушаю-съ!

Поручикъ всталъ и пошелъ.

— Полярная-то, господа, какъ далеко теперь...

— Давно ли мы ее видѣли надъ собою?—замѣтилъ кто-то.—А теперь какъ запала. Только по привычкѣ и найдешь ее.

Мы посмотрѣли. Дѣйствительно, наша родная звѣздочка ушла на сѣверъ.

Старый майоръ вздохнулъ.

— Чего вы, Иванъ Ѳомичъ?—улыбнулся молоденькій подпоручикъ.—Вотъ ужъ отъ васъ-то я не ожидалъ такой сентиментальности. А еще надо мною смѣтесъ, что я стихи пишу! А тутъ засмотрѣлись на звѣзду и сейчасъ вздыхать. Какъ будто и не къ лицу!..

— Я вовсе не изъ-за этого,—сконфузился майоръ.

— А изъ-за чего жъ?—торжествовалъ поручикъ.

— У каждаго свое.

-- Нѣтъ, ужъ слишкомъ это чувствительно или, какъ нашъ писарь изображаетъ, чювстительно.

— Вотъ, посажу васъ подъ арестъ, вы и сообразите, что надъ старшими смѣяться не полагается! Хороша сентиментальность! У меня тамъ, въ Петербургѣ, подъ этою полярною звѣздой, пятеро дѣтей да жена, а я второй мѣсяцъ писемъ отъ нихъ не получаю.

Нашъ вѣрный Личарда, косолапый Яковъ, раздулъ самоваръ и заварилъ чаю.

Майоръ вытащилъ бутылку коньяку съ собакой на этикетѣ.

— Галетовъ вамъ угодно?—спросилъ Яковъ такимъ мрачнымъ голосомъ, точно онъ объявлялъ: «Стража де ждетъ вести васъ на эшафотъ».—Галетовъ-то турецкихъ надо? У нихъ, у гололобыхъ дьяволовъ, галеты чудесныя, бѣлыя!

— Давай, давай! Да откуда у тебя онѣ?

— Скажите, пожалуйста! Повернуться не успѣлъ, а ужъ мѣшокъ съ галетами у него очутился!

— У меня и варенье это ихнее есть, жилейное которое, слива, значить,—еще мрачнѣе произнесъ Яковъ.

— Ну! вотъ благодѣтель! Значить, мы чай пьемъ со всѣми придаточными предложеніями.

— И баранъ вамъ къ вечеру будетъ.

Это ужъ было сказано такъ свирѣпо, какъ будто приготовленное къ ужину животное было насквозь пропитано смертоноснѣйшими ядами, и намъ всѣмъ послѣ него грозила неминуемая гибель.

— Съ рысью!..—побѣдоносно закончилъ Яковъ.

— Съ какой рысью?

— Съ бѣлой... Въ родѣ каши которая!

— Съ рисомъ, значить!

— Ура!—вскочилъ прапорщикъ и, схвативъ косолапаго денщика, началъ кружиться у костра.

Мы всѣ хохотали, глядя на каменное лицо Якова, у котораго въ это время не шевелился ни одинъ мускулъ...

— А вотъ гуся-то — точно что генеральскій поваришко отбилъ. И гусь-то какой былъ! Полпуда, поди, въ гуся-то!

— Это еще какого гуся?

Какъ ни приучилъ насъ Яковъ къ пріятнымъ сюрпризамъ, но тутъ ужъ и мы потерялись.

— Потому, пымалъ я барана и гуся... дикіе!.. Ну, я сейчасъ барана за холку, гуся за горло—и айда!.. А тотъ подлецъ, поваришко-то, тутъ какъ тутъ. Сейчасъ птицу-то изъ-подъ меня цапъ. Ну, оно точно, виноватъ, ваше высоко-родіе,—обратился онъ къ майору,—сѣздилъ я его разъ со всей вѣжливостью, а только гуся онъ уволокъ. Но!.. — и голосъ Якова сталъ таинственъ.—Я ему—вотъ!

Пальцы Якова изобразили извѣстный прозаическій знакъ, почему-то грубо именуемый шишомъ.

— Это какъ же?—хохотали мы.

— А такъ!

— Не понимаемъ!..

— Вольно же! Дѣло, чего проще нѣтъ! Гуся-то я того...

— Да объясни ты, ради Христа!..

— Назадъ получу!

— Н-ну!..

— Вотъ вамъ хрестъ—добуду!

— А генераль? Голодать ему, что ли?

— А это ужъ поваренково дѣло. Ему отъ генерала будеть на орѣхи—не воруй!

— Да какъ же ты добудешь, чудакъ?

— Трое нашихъ солдатиковъ порадѣютъ. Пушай онъ его съ полною деликатностью изжарить, а потомъ мы его со всѣмъ противнемъ сюда... Потому, онъ нашъ, гусь-то. Я этого оставить никакъ не согласенъ. Положимъ, я его ткнулъ чудесно, но только мое ты мнѣ подай!..

— Почему только ты и барана и гуся дикими зовешь?

— Развѣ есть бараны дикіе?—смѣялись кругомъ.

— А то нѣтъ!.. Какъ же не дикіе? Коли бы они настоящіе, праведные, нешто они бѣжали бы отъ меня? Слава Богу, всякая домашняя скотина понимать должна, что она на потребу есть, а не то, что по огородамъ шваркать. Опять же, коли бы она была не дикая, гдѣ хрестъ отъ? Хрестъ гдѣ на ней?

— Какой крестъ?

— На болгарскомъ скотѣ завсегда кресты написаны... Ну, это, значитъ, не дикая. А на баранѣ креста не было!

Кучка солдатиковъ показалась въ окнѣ.

— Яковъ Яковлевичъ!—шопотомъ звали они его.

Солдатики высматривали весьма торжественно и таинственно.

— Что тебѣ, Семеновъ?—приподнялся майоръ.—Случилось что?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе... Все обстоитъ благополучно!

— Чего же вы тутъ болтаетесь?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе... Мы насчетъ того самаго, ваше высокоблагородіе...

— Касательно гуся. Потому Яковъ Яковлевичъ приказали безпремѣнно генеральскаго гуся укараулить.

— Ну?

— Вотъ онъ, гусь самый этотъ!—и солдатикъ, обернувшись, указалъ на стоявшаго поодаль товарища. У того въ рукахъ былъ противень, съ котораго паръ такъ и валилъ клубами.

— Вотъ это такъ!—обрадовался Яковъ.—Впередъ изъ-подъ рукъ не смѣй! Вотъ это такъ! Что, братъ, выхватить?.. Взялъ съ перьями, а вернулъ съ соусомъ... Чудесно, чего лучше! а въ шею само собою получилъ!..

— Напуталъ ты опять... Что тутъ дѣлать? Генераль вѣдь голоднымъ останется.

— Это, ваше высокоблагородіе, не наше, а поваренково дѣло.

— Одно—итти къ нему и просить къ намъ ужинать,—предложилъ кто-то.

Такъ мы и рѣшили.

Генералъ явился живо. Немудрено,—проголодался.

Это былъ привѣтливый и хорошо образованный старикъ, славившійся въ военныхъ кружкахъ храбростью и солидною подготовкой. Всю молодость онъ провелъ въ горахъ Кавказа, потомъ много путешествовалъ и учился. Въ бою былъ спокоенъ, и что его выгодно отличало отъ другихъ, это глубокое пониманіе солдата, для котораго у него всегда было наготовѣ доброе слово.

— Господа! это вѣдь ни на что не похоже: вашъ денщикъ оставилъ меня безъ ужина!

Мы, улыбаясь, встали и отдали честь.

— Хоть покажите мнѣ его... Гдѣ онъ у васъ тутъ?

— Пошлите за нимъ!—приказалъ майоръ.

Кто-то кинулся къ двери и привелъ денщика.

Яковъ вошелъ и вытянулся. Лицо его было темнѣе тучи. Очевидно, при встрѣчѣ съ генераломъ онъ потерялъ всѣ свои мыслительныя способности. Только таращился да шептанилъ усы, точно между носомъ и губой у него была зажата живая мышъ... Зажата—и шевелилась.

— Это — Чингисъ-ханъ какой-то... Ты — Чингисъ-ханъ? Отвѣчай!

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Не угодно ли! А, можетъ-быть, Тамерланъ? А?

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

— Да я вовсе не хвалю тебя... Скажите, пожалуйста — онъ радъ стараться! Такъ постарался, что я остался безъ ужина! Это ты у меня гуся стянулъ?

Разсматривалъ его нашъ старикъ съ очевиднымъ любопытствомъ.

— Не можемъ знать, ваше превосходительство!—совсѣмъ ужъ глупо отвѣтилъ Яковъ.

— Или мой поваръ укралъ его у тебя вмѣстѣ съ противнемъ? А?—подшучивалъ генералъ.

— Не можемъ знать, ваше превосходительство! — все такъ же барабанилъ нашъ денщикъ и все больше и

больше тянулся, точно ему хотѣлось враспи въ небо головою.

— Какъ же ты это смѣлъ? А?

— Радъ стараться, ваше п—ство!

Генераль расхохотался.

— И откуда вы себѣ добыли такого чербера? Чѣмъ же ты сегодня накормишь насъ? А? Или тоже «не можемъ знать»?

Но тутъ Яковъ неожиданно обрѣлъ всѣ свои способности и даже началъ разговаривать.

— Этотъ самый гусь, который... ваше п—ство! Опять баранъ съ рысью... Жилейная слива... Изъ рису пловъ сейчасъ готовъ будетъ съ изюмой... А только зачѣмъ онъ изподъ руки норовить, потому что, ежели я благородно гуся за горло со всей деликатностью, то какую онъ имѣетъ такую праву?

— Кто? Гусь?

— Гусь, ваше п—ство, въ своемъ составѣ, какъ есть! Онъ — птица глупая, ничего не понимаетъ. Кто ее за горло взялъ, тотъ и правъ!..

— Такъ на кого же ты жалуешься?

— На этого самага Ефремку, ваше п—ство! Потому пропадать нашему гусю никакъ невозможно. Опять же на моихъ рукахъ господа. Долженъ я о нихъ заботиться? Сами они о себѣ ни о чемъ, чтобы...

И лицо Якова приняло ужъ совсѣмъ презрительное выраженіе. Очевидно, о всѣхъ насъ онъ былъ весьма невысокаго мнѣнія.

— Ну, а майоръ?

Яковъ скосилъ на его высокоблагородіе глаза, но отъ этого майоръ ничего не выигралъ.

— Ну, что жъ майоръ-то?.. Говори же... я тебѣ позволяю.

— Дитя малое, какъ есть. Тоже и имъ нянька требуется. Сами они для себя ничего не могутъ.

— Вы что думаете, онъ у насъ изъ довольно определенныхъ людей и весьма даже рѣдкихъ,—вступается прапорщикъ.—Я разъ лежалъ. Дождь шелъ... холодно мнѣ было. Такъ жмурился,— не спалъ. Слышу, подходитъ онъ... Постоялъ надо мной, головой покачалъ. Потомъ снялъ съ себя

шинель и, дѣйствительно, какъ нянька, заботливо прикрылъ меня поверхъ моего своимъ. Самъ себя на невозможную ночь обрекъ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на меня, да и говорить, — думалъ, что я не слышу: «Ишь, подсосокъ, какой гладкій!»

Всѣ расхохотались. Но въ этомъ смѣхѣ слышалось иѣчто трогательное, точно люди смѣются, чтобы не заплакать.

Ужинъ вышелъ на славу.

Неизвѣстно кѣмъ у кого украденный гусь оказался великолѣпенъ.

Расходившійся Яковъ даже шутилъ, не теряя, впрочемъ, своей мрачности.

— Начинка точно, что вашего превосходительства! — лужаво подмигнувъ онъ и сейчасъ же опять нахмурился.

— Какъ моя?

— Точно такъ съ. Потому Ефремовъ уволокъ его у меня въ перьяхъ, безъ начинки, а наши ребята у него съ начинкой взяли и... съ соусомъ...

И Яковъ фыркнулъ. Очевидно, это торжество доставляло ему великое удовольствіе.

II.

Послѣ ужина мы вышли вонъ изъ землянки.

На дворѣ уже разложили другой большой костеръ. Ночь была торжественно тиха.

Въ углу прикрытый сѣрою шинелью, лежалъ случайно убитый кошеваръ. Неподвижно торчали ноги, подошвами наружу.

— Гдѣ это его?

И генераль перекрестился.

— Здѣсь же. Шальная пуля на излетѣ прямо въ голову попала.

— Что жъ его не унесли?

— Санитары всѣ на работѣ.

— А солдатъ не хотѣлось тревожить—устали они... Санитары съ аванпостовъ переносятъ раненыхъ.

— Да и некуда его... Пусть его полежитъ здѣсь пока. Никому не мѣшаетъ.